

Р. Р. Вахитов

УФИМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ,
УФА, РОССИЯ

О классическом консерватизме и о консерватизме советском: сходства и различия. (Очерки консервативной мысли в СССР)

Аннотация. В статье предпринимается попытка дать определение консерватизма. Цельный консерватизм предполагает монархию и сословное устройство общества, господство религии, идеалистическую, платоническую философию, преимущественно аграрную экономику, ориентацию на античные образцы, на классику и классицизм в искусстве. Консерватизм возникает в конце XVIII — XIX веке как реакция на буржуазные революции (прежде всего — Великую Французскую революцию), разрушившие традиционные общества Запада и создавшие модернистскую цивилизацию. Консерватор отличается от традиционалиста и «консервативного революционера» тем, что он не призывает к «революции против современного мира», он стремится сохранить традиционное, имеющееся в актуальном обществе.

На первый взгляд советское общество с его культом прогресса и антитрадиционным мировоззрением не оставляло возможности для существования консерватизма. Но, во-первых, авторитарные моменты наличествовали в самом большевизме, и, во-вторых, русские крестьяне и спецнационал-большевики привнесли в советский проект элементы традиционной

русской культуры. Благодаря этому в СССР стал возможен не только латентный цельный консерватизм (А. Ф. Лосев), но и частичный консерватизм (М. А. Лифшиц и Л. Н. Гумилёв).

Ключевые слова: консерватизм, цельный консерватизм, революция, традиционализм, традиционное общество, модернистское общество, СССР, советский консерватизм, частичный консерватизм

Для цитирования: Вахитов Р. Р. О классическом консерватизме и о консерватизме советском: сходства и различия. (Очерки консервативной мысли в СССР) // Ортодоксия. — 2022. — № 4. — С. 12–24. DOI: 10.53822/2712-9276-2022-4-12-24

ЧТО ТАКОЕ КОНСЕРВАТИЗМ?

Консерватизм в переводе на русский язык значит «охранительство» (латинское слово «*conservo*» переводится как «сохраняю»). Но перевод термина зачастую не даёт адекватного представления о его значении. Слово «химия» переводится как «чёрная земля» (так в древности называли Египет, где возникла алхимия — прародительница научной химии) — и что с того?

В случае с консерватизмом дело обстоит таким же образом. Мало ли что можно пытаться сохранить от разрушающего влияния времени? Очевидно, что многое такое, что никак не вяжется с консерватизмом в обычном его понимании. Школьная логика предлагает в случае затруднений попытаться определить понятие через противоположность.

Ясно, что противоположностью консерватизма является революционаризм. Консерватор стремится сохранить старое, а революционер — разрушить это старое и построить на его месте нечто новое. Это уже немножко проясняет ситуацию. А если мы вспомним историю революций, то прояснится ещё больше.

Вряд ли можно спорить с тем, что в обществе домодернистском, традиционном консерватизма быть не могло, потому что не было попыток разрушить это общество и создать другое социальное образование. Это не значит, что до Робеспьера и Ленина не было бунтов и восстаний. Сколько угодно — и на Западе, и на Востоке! Некоторые из этих

восстаний были даже победоносными. Однако чем они заканчивались? Восставшие античные рабы создавали свои государства, где они становились рабовладельцами, а их бывшие хозяева становились их бесправными слугами. Так, в 136 году до Р. Х. на Сицилии, в городе Энна произошло восстание рабов под руководством сирийца Евна. Рабы захватили власть в городе, провозгласили Евна царём, убили самых жестоких из рабовладельцев и... всех свободных римских граждан, обладавших полезными профессиями, сделали своими рабами. Восставшие китайские крестьяне тоже возводили на престол своих предводителей. В 1628 году в Китае, которым правил император династии Мин Чжу-юцзянь, разразилось крестьянское восстание. Оно продолжалось более 10 лет, и в 1644 году крестьянское войско под руководством Ли-Цзы-Чена — простого пастуха, который оказался талантливым полководцем, вступило в столицу — Пекин. Ли-Цзы-Чена провозгласили императором (основателем новой династии — Шунь), а его соратники — командиры отрядов повстанцев — получили аристократические титулы.

Кстати, то же самое произошло бы, если бы в России в Крестьянской войне 1773–1775 годов победили бы мятежники. Пугачёв взойшёл бы на трон под именем Петра Третьего, а его соратники стали бы графами и баронами Российской империи, каковыми они себя заранее объявили (как Чика Зарубин — «граф Чернышев»).

Итак, в результате победоносных восстаний домодернистской эпохи по существу ничего не менялось. Общественный строй оставался таким же, как был.

Иное дело — революции Нового времени. Ярким примером является Великая Французская революция 1789–1793 годов. В результате её Робеспьер не стал королём. Революция была направлена против самого традиционного социального порядка. Она упразднила королевскую власть, сословное деление общества, земельную собственность аристократии, и, наконец, она лишила Церковь статуса государственной и объявила религию приватным делом граждан (а потом и запретила христианство, сделав государственным руссоистский культ Верховного Существа). Франция после революции стала совершенно иным — модернистским, секулярным, эгалитаристским обществом. Наступил новый этап истории Европы (да и всего мира), который сторонники теории прогресса (возникшей, кстати, тоже не так давно — примерно за столетие-два до Французской революции) объявили более высоким и совершенным.

Тогда и возникает консерватизм как политическое течение и идеология. Первыми консерваторами были противники революции, такие как англичанин Эдмунд Берк или француз Жозеф де Местр. Сам термин был введён поэтом-романтиком Рене де Шатобрианом, который стал издавать газету «Консерватор», пропагандируя взгляды Берка и де Местра (Абдуллина 2015). Современный российский исследователь консерватизма А. Ю. Минаков писал: «Консерватизм конца XVIII — начала XIX в. появился как реакция на рационализм и индивидуализм Нового времени, теорию прогресса ...воплощением которых стала Великая французская революция. Он заявил о себе в работах Э. Бёрка и Ж. де Местра» (Минаков 2011: 5–6).

Впоследствии возникло столько разных направлений консерватизма, что один видный политический философ России — Пётр Бернгардович Струве однажды разочарованно признал, что в понятие консерватизма можно уже поместить что угодно. Сегодня это ещё более очевидно: мы видим, например, как американские республиканцы — представители партии, которую принято считать консервативной... приветствуют гей-парады.

Конечно, любой специалист по консерватизму признает попытку дать обобщающее определение консерватизма делом чрезвычайно безнадёжным¹. И как учёный, компетентный в своей области, он будет, вероятно, прав. Но мы в этой популярной статье не можем обойтись без какого-либо рабочего определения. Поэтому мы поступим проще: не будем пытаться подвести «под одну гребёнку» Шатобриана и фон Хайека. Мы попытаемся оттолкнуться, как говорили древние римляне, «ab ovo», «от яйца», от самых оснований, заложенных тогда, когда не было ещё такого многообразия ветвей консерватизма, когда консерватизм действительно был «реакцией на ужасы Французской революции».

При этом мы попытаемся описать кредо цельного, всестороннего консерватизма (а он ведь может быть и частичным, урезанным, например человек может быть сторонником революции в политике и экономике, но консерватором в области культуры и искусства, и о таких фигурах мы ещё поговорим).

В области парадигмальной политики быть консерватором первоначально значило отстаивать монархическую государственность и сословное, аристократическое общество. Консервативная позиция — защита

¹ О трудности определения консерватизма пишет Е. В. Григорьев (2009).

социальной иерархии против социального равенства, которое отстаивают либералы и социалисты.

В области практической политики консерватор — противник революционной ломки социальной реальности, сторонник сохранения старых институций и традиций. Если революционеры исходят из «проективного духа Просвещения», то есть стремятся воплощать в жизнь абстрактные проекты, созданные разумом (от либеральных до коммунистических), консерватор отталкивается от жизни, «от нравов и обычаев, в которых воплотился многовековой опыт данного народа»², от традиции.

В сфере духа консерватор изначально — не просто человек лично религиозный, он ещё отстаивает видную роль Церкви в жизни общества, признаёт необходимость поддержки Церкви государством, проведения государством именно церковной, религиозной идеологии, присутствия Церкви в системе воспитания детей и юношества. Жозеф де Местр называл это принципом «союза трона и алтаря».

В области философии консерватор — сторонник идеализма, причём объективного, в платоновском духе (чаще всего речь идёт о христианском неоплатонизме), а не субъективного, ведущего к агностицизму и скептицизму (в духе Дэвида Юма).

В области экономики консерваторы сначала отстаивали дореволюционное феодальное хозяйство, основанное на праве аристократии на землю, и этим классические консерваторы отличаются от неоконсерваторов (например, американских), которые, напротив, выступают за «свободный рынок», «капитализм без границ». Учитывая феномен «неолиберального консерватизма», мы не должны забывать, что консерватизм возник как антибуржуазная идеология (что неудивительно, если он был реакцией на революцию буржуа!) и ряд его разновидностей проходил в «Манифесте Коммунистической партии» Маркса и Энгельса по разряду «реакционного социализма».

В области искусства консерваторы видят идеал в искусстве классических эпох — Античности, Средневековья, Возрождения и Нового времени. Античная скульптура, средневековая иконопись, живопись Ренессанса, искусство классицизма и барокко, наконец, реализм Нового времени — вот образчики искусства, которые вдохновляли идеологов консерватизма — от де Местра до Гегеля и неогегельянцев. Врагом консерваторов

² Руткевич А. М., Куликов А. А. Консерватизм. — URL: <https://bigenc.ru/philosophy/text/2091273> (дата обращения: 09.11.2022).

в искусстве являются, естественно, «революционеры от искусства», различного рода модернисты и авангардисты, отвергающие мировую классику, разрушающие формы, пропорции, гармонию.

Внимательный и критически настроенный читатель может сказать, что автор этих строк путает консерватизм и традиционализм. Ничуть! Традиционалист — тот, кто настолько влюблён в идеал традиционного, домодернистского, докапиталистического общества, что в предельном выражении готов попытаться возродить его. В этом суть идеологии «консервативной революции», ярким представителем которой был итальянский философ и поэт, барон Юлиус Эвола (одна из его главных книг так и называется — «Восстание против современного мира», по-итальянски это звучит «*Rivolta contro il mondo moderno*», и связь со словом «революция» чувствуется явственней). То есть традиционалист в предельном выражении — революционер (недаром диалектика нам говорит о совпадении крайностей и противоположностей). Консерватор же — это тот, кто отвергает всякую революцию, кто предпочитает ей спокойный и естественный ход вещей. В крайнем случае консерватор может призвать «подморозить общество», как русский философ К. Н. Леонтьев, или с оговорками признать революционную власть, если она сознательно или нет служит укреплению Родины, как колчаковский идеолог Николай Васильевич Устрялов, который взял сторону «красных» будучи антикоммунистом и создал идеологию «русского национал-большевизма». Но консерватор не будет призывать к революции, пусть даже эта революция направлена на то, чтобы вернуть дореволюционный порядок.

Именно поэтому удел консерватора печален. Нравится нам это или нравится, но история, как заметил ещё Гегель, движется в направлении эмансипации, уменьшения авторитарного давления в обществе, увеличения объёма свобод для индивидов и социальных групп. Сначала эмансипировалась буржуазия, потом — пролетариат, потом — женщины, потом расовые, сексуальные меньшинства. Консерватор похож на воина, который постоянно ведёт бой в отступлении, оставляя один рубеж за другим. Для консерватора (как и для христианского мировоззрения вообще) история — это инволюция, движение от порядка к хаосу, к «последним временам».

Впрочем, иногда переход к следующему уровню в чём-то предполагает возвращение к прежнему. В этом диалектика истории и шанс

для особого, диалектического консерватизма³. Его манифестацией в России был советский период.

КОНСЕРВАТИВНАЯ МЫСЛЬ В СССР: СПРАВА НАЛЕВО И СЛЕВА НАПРАВО

На первый взгляд консерватизм в СССР был обречён на существование в качестве подпольной, радикально оппозиционной идеологии. Советское государство и общество возникло в результате революции, совершённой левой, коммунистической партией. Идеологией этого общества был марксизм-ленинизм — мировоззрение, отстаивающее идеалы атеизма, материализма, эмансипации и прогресса. В ходе революции, гражданской войны, социалистического строительства были частично уничтожены, а частично изгнаны за рубеж представители высших сословий, прежде всего дворяне, Церковь была отделена от государства, приняты гонения на Церковь, унёсшие жизни тысяч мирян и священников. В Советском Союзе были упразднены сословия, объявлены равные права граждан, декларированы политические свободы.

Вместе с тем реальные условия возникновения и существования советской цивилизации сильно отличались от этого образа «совершенно левого, социалистического, марксистского государства».

Как верно отмечает Ю. В. Пуцаев: «...у любого общества, просуществовавшего сколько-нибудь длительное время, должен быть свой консерватизм»⁴. На существование своеобразного советского, левого консерватизма указывают и петербургские исследователи русского консерватизма В. М. и Л. С. Камневы (Камнев 2019).

В самом большевизме и госсоциализме были латентные квазиконсервативные черты, отличающие его от абсолютно антиконсервативных либерализма или анархизма. Большевики признавали необходимость государства, дисциплины, порядка, что обычно признаётся правыми, консервативными ценностями. Кроме того, в большевизме в конце концов победила линия Ленина, а не Богданова и Пролеткульта, а Ленин, в отличие от Богданова, в философии, будучи материалистом, отстаивал всё же

³ Современный философ-консерватор Виталий Аверьянов использует этот термин — «диалектический консерватизм» — в своём оригинальном смысле, который мы вовсе не имели в виду.

⁴ Пуцаев Ю. В. К вопросу о советском консерватизме. — URL: <file:///D:/Users/Admin/Desktop/k-voprosu-o-sovetskom-konservatizme.pdf> (дата обращения: 09.11.2022).

существование абсолютной истины, выступая таким образом как своеобразный наследник классической диалектической философии, идущей от Платона (Вахитов 2019). В области искусства Ленин прямо защищал классику и выступал против модернизма и авангардизма, что позволяет говорить о нём как о революционере в политике, но консерваторе в эстетике. Культ Ленина в советской цивилизации обеспечил преемственность советской философии и искусства с классическим, а не с модернистским направлением в культуре.

Помимо этого, большевистская революция и уж тем более строительство социализма вершились не одними большевиками. В годы гражданской войны на стороне большевиков выступил ряд видных военных, бывших монархистами, но видевших свой долг в защите Родины, под каким бы флагом она ни была. Тем более большевики как государственники, встав во главе России, ожидаемо перешли к лозунгам пусть и социалистического, но патриотизма и занялись отражением интервенции и собиранием прежних земель. Идеологом такого сближения консерваторов с большевиками стал Н. В. Устрялов — создатель национал-большевизма. После гражданской войны под влиянием соратников Устрялова — сменовеховцев в СССР вернулись из эмиграции десятки тысяч специалистов — также своеобразных некоммунистических патриотов. Да и внутри СССР разного рода должности в госаппарате, в общественных организациях занимали не только марксисты, но люди самых разных взглядов — от монархистов до мистиков-народников. Поскольку Советский Союз и советский социализм строили не одни большевики, но и те, кого можно назвать «внутренними эмигрантами»-консерваторами, и сам этот социализм получился не безупречным с точки зрения западного марксизма, зато с явными криптоконсервативными вкраплениями.

Наконец в 1930-е годы происходит масштабная ротация кадров. На место представителей старорежимной интеллигенции в партии, госаппарате, в элите приходят выходцы из низов, многие — из крестьян. Однако российское общество было так устроено, что до революции его низы были очень мало модернизированы. Историк Г. В. Вернадский заявлял, что верхи императорской России жили в XX веке, где были уже теория относительности и футуризм, а низы — культурой XVII века, то есть ещё допетровской, московской старины (Вернадский 2000). И недаром потом многие советологи отмечали, что построенный в 30-е сталинский

социализм больше походил на Московское царство — с культом царя, с псевдорелигиозной идеологией, со своими «служилыми» и «тягловыми» сословиями, со «вторым крепостным правом» (Гетти 2016). То есть если в области промышленности, науки и техники сталинский СССР был очень прогрессивной державой, совершив резкий скачок вперёд, то в области жизнеустройства, социальной структуры и политической культуры он обладал явными консервативными или квазиконсервативными чертами. Отдельные черты домодернистской цивилизации сохранялись в нём вплоть до перестройки 80-х.

Итак, в реальности в советском обществе имелись условия для существования консервативных идеологий, причём в самых разных вариантах — от классических, традиционалистских, цельных, вынужденных маскироваться и оставаться в тени (А. Ф. Лосев), до частично-консервативных и даже своеобразных левых, претендующих на бытие в рамках ленинского марксизма (М. А. Лифшиц), и, наконец, натуралистических, связанных с религиозной или биологизаторской философией космистского типа (Л. Н. Гумилёв). При этом речь идёт именно о советском консерватизме, то есть о признании (конечно, не обязательно с позиций марксизма и не обязательно полном и всестороннем) советского социализма, желании сохранить его в тех формах, которые он приобрёл в эпоху сталинского «квазиклассицизма» и брежневского «неосталинизма», и противостоянии его разрушению и капиталистической реставрации.

Для нашей серии очерков о консервативной мысли в СССР, которые будут опубликованы в журнале «Ортодоксия», мы выбрали эти три фигуры подобных идеологов-советских консерваторов — философа-идеалиста Алексея Лосева, философа-эстетика и марксиста Михаила Лифшица и этнолога-космиста, востоковеда и историка-евразийца Льва Гумилёва. Все они так или иначе в случае выбора между советским социализмом или либеральным капитализмом, который уже «маячил на горизонте» российской истории в 70–80-е годы XX века, взяли бы сторону (и брали!) советского социализма, хотя по совершенно разным причинам и с очень большими оговорками, поскольку у каждого из них были свои счёты со сталинским вариантом социализма. Потому все они, с нашей точки зрения, и были в той или иной степени советскими консерваторами, то есть охранителями на том, советском этапе российской истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Абдуллина Л. С. Сущность понятия консерватизм: методологические подходы и функциональные характеристики в политической системе // Вестник Башкирского университета. — 2015. — Т. 20, №3. — С. 1095–1099.

Вахитов Р. Р. Критика позитивизма А. Ф. Лосева до и после «тактического союза» с марксизмом // Философ и его время: Материалы Международной научной конференции. К 125-летию со дня рождения А. Ф. Лосева, Москва, 17–20 октября 2018 года / сост. Е. А. Тахо-Годи. — М. : ООО «МАКС Пресс», 2019. — С. 392–402.

Вернадский Г. В. Ленин — красный диктатор. — М. : Аграф, 2000. — 320 с.

Гетти А. Практика сталинизма: Большевики, бояре и неумирающая традиция. — М. : РОССПЭН, 2016. — 377 с.

Григорьев Е. В. «Проблемы определения консерватизма» // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. — 2009. — № 3(6). — С. 5–17.

Камнев В. М., Камнева Л. С. Феномен советского консерватизма: историософское обоснование // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. — 2019. — Т. 35, №1. — С. 43–55.

Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. — Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2011. — 560 с.

Сведения об авторе:

Вахитов Рустем Ринатович — кандидат философских наук, доцент факультета философии и социологии Уфимского университета наук и технологий, 450076, Россия, Республика Башкортостан, Уфа, ул. Заки Валиди, 32, e-mail: rust_r_vahitov@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 10.10.2022; одобрена после рецензирования 09.11.2022; принята к публикации 17.12.2022.

About Classical Conservatism and Soviet Conservatism: Similarities and Differences. (Essays on the Conservative Thought in the USSR)

R. R. Vakhitov

UFA UNIVERSITY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY,
UFA, RUSSIA

Abstract. In the paper, an attempt is made to define the conservatism as is. The integral conservatism involves monarchy, class stratification of the society, domination of religion, idealistic platonic philosophy, mostly agrarian economy, and focus on ancient patterns, classics and classicism in art. Conservatism emerged on the cusp of the 18th and 19th centuries as a reaction to the bourgeois revolutions (first of all, the French Revolution), which destroyed the traditional Western societies and paved the way to a modernist civilization. Conservatives differ from traditionalists and “conservative revolutionaries” in that they do not call for a “revolution against the modern world”. Instead, they seek to preserve the existing traditional structures.

At first glance, the Soviet society, with its cult of progress and anti-traditional worldview, left no room for the conservatism. Yet, firstly, authoritarian traits were present in Bolshevism itself. Secondly, Russian peasants and national Bolshevik specialists brought the elements of traditional Russian culture to the Soviet project. Thanks to this, not only latent integral conservatism (A. F. Losev) became possible in the USSR, but also the partial one (M. A. Lifshitz and L. N. Gumilev).

Keywords: conservatism, integral conservatism, revolution, traditionalism, traditional society, modernist society, USSR, Soviet conservatism, partial conservatism

For citation: Vakhitov, R. R. (2022). About Classical Conservatism and Soviet Conservatism: Similarities and Differences. (Essays on the Conservative Thought in the USSR). *Orthodoxia*, (4), 12–24. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2022-4-12-24

REFERENCES:

Abdullina, L. S. (2015). Sushchnost' poniatiia konservatizm: metodologicheskie podkhody i funktsional'nye kharakteristiki v politicheskoi sisteme [Essence of the Conservatism Concept: Methodological Approaches and Functional Characteristics in the Political System]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 20(3), 1095–1099. [In Russian].

Getty, A. (2016). *Praktika stalinizma: Bol'sheviki, boiars i neumiraiushchaia traditsiia* [The Practice of Stalinism: Bolsheviks, Boyars and the Undying Tradition]. Moscow: ROSSPEN. [In Russian].

Grigor'ev, E. V. (2009). Problemy opredeleniia konservatizma [Problems of Defining Conservatism]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 3(6), 5–17. [In Russian].

Kamnev, V. M., Kamneva, L. S. (2019). Fenomen sovetskogo konservatizma: istoriosofskoe obosnovanie [The Phenomenon of Soviet Conservatism: A Historiosophical Justification]. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Filosofii i konfliktologii*, 35(1), 43–55. [In Russian].

Minakov, A. Iu. (2011). *Russkii konservatizm v pervoi chetverti XIX veka* [Russian Conservatism in the First Quarter of the 19th Century]. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo gos. un-ta. [In Russian].

Vakhitov, R. R. (2019). Kritika pozitivizma A. F. Loseva do i posle "takticheskogo soiuza" s marksizmom [Criticism of A. F. Losev's Positivism Before and After the "Tactical Alliance" with Marxism]. In *Filosof i ego vremia: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. K 125-letiiu so dnia rozhdeniia A. F. Loseva, Moskva, 17–20 oktiabria 2018 goda* [Philosopher and His Time: Proceedings of the International Scientific Conference. To the 125th Anniversary of the Birth of A. F. Losev, Moscow, October 17–20, 2018] (pp. 392–402). Moscow: OOO "MAKS Press". [In Russian].

Vernadsky, G. V. (2000). *Lenin — krasnyi dictator* [Lenin is a Red Dictator]. Moscow: Agraf. [In Russian].

About the author:

Rustem Rinatovich Vakhitov — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Faculty of Philosophy and Sociology, Ufa University of Science and Technology, 32, Zaki Validi street, Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia, 450076, e-mail: rust_r_vahitov@mail.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 10.10.2022; approved after reviewing 09.11.2022; accepted for publication 17.12.2022.